

Б Л А Г О Д А Т Ь.

(Изъ Лютардта).

Необходимость помощи. Тщета собственной помощи. Необходимость прощенья. Необходимость благодати Божіей. Достоверность благодати. Благодать всеобща. Сокровенность для благодати. Воспитаніе для благодати.

Что нашъ міръ есть міръ страданій, въ томъ согласны между собою и христіане и не-христіане; но если мы ничего не можемъ сказать кромѣ этого, то лучше облачиться въ саванъ и умереть; потому что тогда остается только одно спасеніе: смерть.

Спаситель на горѣ начинаетъ проповѣдь свою тѣмъ, что называетъ блаженными бѣдныхъ, сражающихся и плачущихъ. Тѣхъ, которыхъ мы называемъ несчастными, Онъ считаетъ блаженными, потому что они утѣшаются.

Свѣтъ жизни нашей не счастье, а утѣшеніе. Быть счастливыми, какъ обыкновенно это понимаютъ, мы все не можемъ, точно такъ же какъ все не можемъ быть богатыми. Напрасно мы будемъ усиливаться уяснить себѣ, почему это такъ Богъ устроилъ, что одни счастливы здѣсь, а другіе несчастны; мы должны согласиться съ тѣмъ, что видимъ,—независимо отъ того, понимаемъ ли мы это или нѣтъ. Но въ существѣ вещей, кто изъ людей счастливъ? «Нѣтъ жизни человѣческой безъ раны».

То, что называютъ счастьемъ, не есть счастье. Истинное счастье есть утѣшеніе. Это счастье для всѣхъ существуетъ.

«Блаженни плачущи, яко тѣи утѣшатся». Произнести эти слова въ міръ страданій можетъ только Богъ, потому что

только Онъ обладаетъ утѣшеніемъ въ несчастіи. Только благодать можетъ утѣшить.

Но должны ли мы съ самаго начала отказаться отъ всякаго утѣшенія? Могутъ сколько угодно проповѣдывать это самоотверженіе, — вѣрующихъ для этой проповѣди не найдется. Можно, сколько угодно, убѣждать несчастнаго въ томъ, что онъ не долженъ чувствовать себя таковымъ; но это то же, что совѣтовать голодному не чувствовать голода, который онъ испытываетъ. Душа наша создана для того, чтобы быть счастливой. Какъ можетъ несчастный чувствовать себя счастливымъ въ несчастіи своемъ? Свѣтъ жизни есть не счастье, а утѣшеніе, потому что въ немъ одномъ заключается истинное счастье. Его же дать намъ можетъ только Богъ.

Говорятъ, время утѣшать. Время не утѣшать, оно только притупляетъ страданіе, заставляетъ насъ забывать о немъ. Это не есть сила души, а слабость ея. Лучше было бы не забывать (о страданіи) и быть утѣшеннымъ. Этого не сдѣлаетъ время.

Говорятъ, нужно бросить взглядъ на все цѣлое: взглядъ на цѣлое утѣшаетъ страданіе отдѣльнаго лица; хотя отдѣльныя личности страдаютъ, въ цѣломъ все уравнивается. Эта статистика не утѣшитъ ни одного несчастнаго; слѣдуетъ только попробовать.

Намъ указываютъ на прогрессъ человѣчества. Черезъ всѣ страданія, черезъ грѣхъ и вину свершается непрерывный ходъ исторіи. Но прогрессъ искупается слишкомъ дорого, если онъ искупается бѣдствіемъ отдѣльныхъ лицъ, и онъ былъ бы искупленъ слишкомъ дорого, если бы искупался нравственнымъ паденіемъ хотя бы одного только лица. Одна душа стѣбитъ больше, чѣмъ весь культурный прогрессъ всего человѣчества.

Въ чемъ же мы нуждаемся? Мы нуждаемся въ спасеніи отъ грѣха и примиреніи за вину нашу. Только благодать мо-

жеть насъ спасти, и только она можетъ подарить намъ примиреніе.

Должны ли мы сами спасти себя? Древняя философія имѣла до извѣстной степени понятіе о нравственной печати жизни. Пути, которыми она шла, были различны; но цѣль, которую она преслѣдовала, была всегда одна и та же: человѣкъ долженъ самъ себя спасти. Древній міръ погибъ при этомъ опытѣ самоспасенія.

Но имѣемъ ли мы средства къ спасенію лучшія тѣхъ, какія указывала древняя философія? Что можетъ намъ помочь? Природа? Да, намъ часто указываютъ на нее. Въ пей, говорятъ, мы найдемъ спокойствіе, у груди ея мы сдѣлаемся чисты и покойны и вновь приобрѣтемъ то дѣтское настроеніе, которое мы потеряли. Но сама природа не имѣетъ настроенія, мы ей сообщаемъ наше настроеніе; она не даетъ намъ спокойствія, если мы ей его не приносимъ. Голосъ, который мы слышимъ внутри насъ, звучитъ намъ и извнѣ. Ленау отправился въ Америку, чтобъ найти тамъ тотъ міръ и спокойствіе, котораго не находилъ въ Европѣ; но въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки онъ слышалъ только шопотъ тайны смерти.

Природа не можетъ намъ пособить. Быть можетъ, это сдѣлаетъ культура? «Когда мы облагораживаемъ розу, — сказалъ нѣкто, — у нея растутъ другіе шипы; но все же шипы». Культура измѣняетъ наши нравы, но она не освобождаетъ насъ отъ грѣховъ; она образовываетъ насъ, но не исправляетъ; она дѣлаетъ насъ ловкими, но не благочестивыми.

Искусству часто приписывали освобождающую и нравственно-облагораживающую силу. То, что религія имѣетъ силу надъ правами, есть, говорятъ, искусство въ религіи. Шиллеръ хотѣлъ исправить эстетикой нравственный ригоризмъ Канта. И какъ часто мы слышали подобныя мысли отъ новѣйшихъ людей! Я могу причислить себя къ любителямъ искусства, но что

оно есть нашъ спаситель, это я буду отрицать, и оно само не знаетъ ничего подобнаго. Искусство имѣетъ связь съ религіей, но оно не можетъ и не желаетъ ея замѣнить. Оно сообщаетъ религіи свой покровъ и протачиваетъ ей руку, чтобы поддержать ея дѣйствія, но не выступаетъ на мѣсто религіи и нравственности. И если мы обратимся къ самимъ художникамъ, то они сознаются намъ, что ведутъ ту же борьбу, какъ и мы, противъ могущества грѣха, и что при этомъ имъ помогаетъ не ихъ искусство, а Евангеліе. Истиннаго спокойствія, — говорить Микель-Анжело, — не могутъ сообщить рѣзецъ и краски тому, который ищетъ любви, распростершей руки на крестѣ, чтобы насъ возвысить.

Или мы не должны искать спасенія внѣ насъ, а внутри насъ самихъ, въ нашемъ собственномъ умѣ, въ нашей волѣ, въ нашемъ мышленіи? Въ послѣдній разъ мы видѣли, чего можетъ достигнуть воля. Самообладаніе не есть спасеніе, а законъ не есть свобода.

Въ новѣйшее время съ особеннымъ удареніемъ люди философствующіе выражали идею: *«самоспасенія и самостоятельности»*. Возобновили и представленіе Спинозы, что отдѣльная личность не что иное, какъ лучъ всеобщаго свѣта, капля во всемірномъ морѣ. «Изъ вѣчноволнующагося моря всплываетъ одна капля; одну секунду, которую называютъ 70 годами, она издаетъ ясный свѣтъ и проникнута имъ, затѣмъ капля эта погружается вновь на дно моря». Такъ должно разсматривать отдѣльныя существа въ цѣломъ; «только въ цѣломъ можетъ быть примиреніе». Но это утѣшеніе умпрающему цвѣтѣ, а не человѣку. Оно создано для природы, но не для личности. Этого достаточно для твореній, которыя подлежатъ только естественнымъ законамъ, но не для человѣка, который имѣетъ совѣсть. Ученіе это не что иное, какъ мудрость Будды. Но если

христіанства. Это не есть прогрессъ ума, что мы возвращаемся къ мечтамъ индѣевъ, которыя исторія давно перешагнула, и послѣ которыхъ она пришла къ новому порядку дѣлъ: теперешній порядокъ дѣлъ составляетъ христіанство, а не ученіе Сакьямуни. Если же оно должно восторжествовать, тогда мы скажемъ откровенно вмѣстѣ съ Леопольдомъ Шеферомъ: послѣдняя надежда наша есть всеобщая погибель, и сдѣлаемъ «Anno-Domini» Фрейлахрата, эту ужасную пѣснь о всеобщемъ разрушеніи, нашимъ исповѣданіемъ и вмѣстѣ съ Фейербахомъ провозгласимъ смерть божествомъ нашимъ. Кто смотритъ на это какъ на угѣшеніе, въ которомъ мы нуждаемся, тотъ можетъ это дѣлать; но пусть онъ знаетъ, что онъ не понялъ человѣка и самого себя.

Самоспасенія нѣтъ. Мы не можемъ спасти себя сами точно такъ же, какъ и не можемъ отпустить себя грѣховъ. Благодать не должна быть только благодатию спасенія, но и благодатию прощенія и примиренія, потому что всякій грѣхъ есть прегрѣшеніе противъ Бога; какимъ бы образомъ онъ ни свершился—все же онъ значитъ: «предъ Тобою однимъ я согрѣшилъ». Хотя отдѣльный грѣхъ есть прегрѣшеніе противъ отдѣльной заповѣди, но кто погрѣшилъ противъ одной заповѣди, виновенъ предъ всѣмъ закономъ; потому что въ каждой отдѣльной заповѣди заключается весь нравственный законъ, и съ преступленіемъ каждой заповѣди преступается и весь законъ, потому что законъ не есть только сумма отдѣльныхъ правилъ, а одно цѣлое, составляющее единство, единство же это заключается въ волѣ Божіей. Его воля, Его святость, Онъ самъ дѣлаетъ заповѣдь заповѣдью и частью закона; самъ Онъ присутствуетъ въ каждой отдѣльной заповѣди. Каждое прегрѣшеніе противъ заповѣди есть прегрѣшеніе противъ самого Бога. И какъ законъ есть единство, такъ и человѣкъ есть единство. Въ каждой отдѣльной силѣ, которая дѣйствуетъ въ томъ или другомъ

поступитъ, дѣйствуетъ весь человѣкъ, вся его воля, все сердце его, весь грѣхъ его. Каждый грѣхъ дѣлаетъ человѣка виновнымъ и именно виновнымъ передъ Богомъ, а потому только Богъ одинъ можетъ простить намъ вину нашу. Можемъ ли мы сами исправить грѣхи наши? Можемъ ли мы уничтожить то, что случилось? И какъ бы мы ни были благочестивы, и сколько бы ни дѣлали добрыхъ дѣлъ, мы только исполнимъ долгъ нашъ, а жалобу прошедшаго мы этимъ не уничтожимъ. Грѣшная жизнь не можетъ быть уничтожена благочестивою жизнью, которая за нею послѣдуетъ. Не будемъ заблуждаться. Никакое благочестивое дѣло не уничтожитъ свершившагося грѣха, а только прощеніе; не можетъ этого сдѣлать и никакое покаяніе, которое бы я положилъ на себя. Если я погрѣшилъ противъ кого-нибудь, противъ любви его, противъ довѣрія, — я могу покаяться въ этомъ цѣлою жизнью самоотверженія, но не достигну спокойствія, покуда не преклоюсь предъ нимъ, не произнесу слова: прости! и не обрѣту прощенія. Только прощеніе погашаетъ прегрѣшеніе. Вина наша требуетъ прощенія, но мы не можемъ сами простить себѣ. Тотъ только можетъ сдѣлать это, предъ которымъ мы согрѣшили, — только Богъ одинъ, потому что мы грѣшны предъ Нимъ однимъ. Только тогда, когда мы изустъ Его услышимъ это, мы обрѣтемъ спокойствіе невинности.

Всѣ мы нуждаемся въ Божіей благодати.

Мы нуждались бы въ ней и тогда, когда бы не были виновны, потому что Богъ только и благодать Его приводитъ насъ къ цѣли назначенія нашего. Въ чемъ же состоитъ оно? Быть сосудами, въ которые Господь изливаетъ жизнь любви своей, быть храмами, въ которыхъ обитаетъ Духъ Божій. Какъ цвѣтокъ обращается къ солнцу и раскрывается, какъ растеніе не можетъ созрѣть и развиться, когда ему недостаетъ свѣта: такъ и мы нуждаемся въ свѣтѣ Божіемъ, и по требованію природы

можемъ прийти къ совершенству. Богъ долженъ пизойти къ намъ, мы должны воспринять Его въ себя. Опъ приближается къ намъ, мы къ Нему; мы требуемъ Его и живемъ Имъ: для этого мы создамы, въ этомъ состоитъ назначеніе наше. Грѣхъ же состоитъ въ томъ, что мы замыкаемся въ себя самихъ. Истинное назначеніе наше—открыться для того, чтобы воспріять въ себя жизнь Божию. Высочайшее достоинство человѣка состоитъ въ способности его воспринимать Бога; его высочайшая цѣль есть общеніе съ Богомъ. Такъ стоитъ это дѣло отъ природы.

Уже въ жизни естественнаго нашего ума и еще болѣе въ жизни души и воли нашей видно такое отношеніе наше къ Богу. Уже то, что составляетъ естественные дары ума нашего, есть свободная милость Божія, есть благодать. Заслуга ли это, если Богъ сдѣлалъ человѣка сосудомъ даровъ своихъ и Духа своего, когда Онъ наполнилъ душу Гете поэтическими отголосками богатаго міра природы, душу Шиллера—стремленіемъ къ міру вѣчныхъ идеаловъ, когда Онъ въ высокоодаренныхъ умахъ нашего рода широко распространилъ вѣчныя идеи истины, добра и красоты во всей полнотѣ ихъ, и сдѣлалъ ихъ огкровеніемъ своего божественнаго величія? А развѣ только одніи эти высокоодаренныя натуры пользуются Божіею благодатію? Развѣ Господь не вложилъ въ души всѣхъ насъ отголоска всего богатаго міра Божіа? Не подобно ли внутреннее состояніе наше арфѣ, къ которой прикасается перстъ Божій? Всѣ мы слышимъ внутри самихъ себя,—одни такъ, другой иначе, — самые разнообразныя звуки великой гармоніи міра, а въ ней хвалу Всевышнему. Кто можетъ тутъ говорить о заслугѣ? Но Богъ сдѣлалъ насъ не только сосудомъ откровеній, могущества и мудрости своей: есть постоянное жизненное движеніе между вѣчною любовью и нами. Мы несмысливаемъ любовь Его въ нашей жизни; мы чувствуемъ ее въ душѣ нашей; мы живемъ ею. Что мы

знаемъ Бога, что мы ждемъ Его, что мы носимъ Его въ себѣ, что мы находимъ въ Немъ цѣль назначенія нашего—это свободный даръ и милость Божія, т. е. благодати. Уже и то, что есть лучшаго въ человѣческой жизни, есть свободный даръ и милость. Многое мы заслуживаемъ, но лучшаго изъ того, чѣмъ владѣемъ, заслужить не можемъ. Когда любящій отдастъ любимому любовь свою, можетъ ли онъ сказать, что заслужилъ ее,—свободную любовь сердца? Мы можемъ заслужить благодарность, но любви заслужить не можемъ никогда. Она никогда не бываетъ заслугою, а всегда свободнымъ даромъ; тѣмъ болѣе—любовь Бога. Итакъ, если бы мы даже не были грѣшниками, то и тогда должны были бы говорить о благодати.

А тѣмъ болѣе должны говорить о ней, когда мы грѣшники.

Высочайшее свойство царскаго величія—быть милостивымъ. Надъ скинстромъ справедливости господствуетъ милосердіе, оно составляетъ краеугольный камень всей постройки общества человѣческаго. Справедливость—ея основаніе, милосердіе—ея вѣнецъ. Человѣческое общество не можетъ быть лишено милосердія, а тѣмъ болѣе не можемъ мы обойтись безъ милосердія, когда становимся въ отношеніе къ Богу. Всѣ мы просимъ о благодати. Ежедневная молитва наша должна, по крайней мѣрѣ, состоять въ этомъ: «отпусти намъ долги наша». Съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ, былъ только одинъ, которому не нужно было возносить молитвы этой къ алтарю милосердія, потому что Онъ не имѣлъ вины. Но насъ Онъ такъ училъ молиться, и такъ молился за насъ: «прости имъ, Господи!». Всѣ мы нуждаемся въ прощеніи.

Уже въ нашихъ человѣческихъ сношеніяхъ мы нуждаемся въ прощеніи другъ другу. Истинное душевное общеніе между людьми не возможно безъ того, чтобы они постоянно не прощали другъ друга; потому что всѣ мы грѣшимъ другъ противъ друга, хотя бы даже только въ чуждымъ намъ мы-

сляхъ, сужденіяхъ, въ отсутствіи любви и жестокости. А въ отдѣльныя минуты, когда особенно тяжело на душѣ, по крайней мѣрѣ въ минуты послѣдней разлуки, разлуки съ жизнью, мы чувствуемъ потребность взглянуть еще разъ на любимыхъ нами, протянуть имъ умирающую руку и произнести другъ другу взаимно: прости! чтобъ освободить совѣсть отъ этой тяжести. И какъ же бы намъ не было нужно это по отношенію къ Богу, противъ котораго мы грѣшимъ ежедневно и даже ежеминутно, если не словомъ или дѣломъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, что мы Его не такъ любимъ, какъ бы должны были любить, и какъ того требуетъ Его вѣчная любовь къ намъ! Прежде чѣмъ уничтожится эта раздѣляющая стѣна, воздвигшаяся между Нимъ и нами, прежде чѣмъ уничтожится вина грѣха нашего, раздѣляющаго насъ съ Богомъ, а вмѣстѣ съ нею устранился вопль совѣсти, удаляющій насъ отъ Него, до тѣхъ поръ мы не можемъ прійти къ Нему и Онъ къ намъ. Всѣ мы нуждаемся въ спасеніи.

Или мы, вмѣстѣ съ однимъ римскимъ писателемъ, облачимся въ мантию добродѣтели нашей? Это былабы очень изорванная мантия. Какъ можемъ мы предстать въ ней предъ Богомъ, какъ бы мы ни были увѣрены въ совершенствѣ нашемъ? Тотъ долженъ бы совѣмъ подавить въ себѣ всякое чувство истины, тотъ совершенно погибъ бы въ суетномъ самодовольствѣ грѣха, въ комъ бы хотя временно не пробудилась совѣсть и не тревожила его. Чувства эти можно подавить; но тогда мы грѣшимъ противъ духа нравственности, и притупляемъ въ себѣ восприимчивость нашу къ нравственнымъ истинамъ. И если бы мы даже въ теченіи всей жизни заставили молчать свидѣтеля истины, котораго носимъ въ себѣ, то по крайней мѣрѣ тогда, когда мы готовимся въ будущую жизнь, гдѣ нѣтъ больше самообольщенія, тогда по крайней мѣрѣ пробуждается въ насъ то, что мы, казалось, давно потеряли. И давно исчезнувши кар-

тины и времена являются предъ душой нашей и заявляют жалобу свою на насъ; и кто еще не вполне подавилъ въ себѣ нравственное чувство, тотъ тогда по крайней мѣрѣ смиряется предъ судомъ надъ грѣхомъ своимъ и ищетъ прощенья.

Развѣ это не достойно насъ? Развѣ это безчестіе для человѣка—искать всепрощающей благодати Божіей? Чья гордость желаетъ принять то, чего бы стоили ея дѣла, та приметъ судъ Божій. Чего бы ни стоили дѣла наши предъ людьми,—предъ Богомъ они ничего не стоятъ, если имъ недостаетъ души всего лучшаго,—свободной любви сердца нашего къ Богу, потому что Богъ смотритъ на сердце, а не наружный поступокъ нашъ. Предъ Нимъ мельчайшее можетъ быть величайшимъ, и величайшее мельчайшимъ, смотря по тому, есть ли это дѣло самоотверженной любви сердца или нѣтъ, потому что въ ней одной заключается истинная нравственность; по ея отъ природы недостаетъ всѣмъ намъ, а вмѣсто ея господствуетъ самолюбіе. Итакъ, если мы хотимъ получить награду по заслугамъ, то намъ нечего ожидать: намъ нужна благодать. Развѣ она не достойна свободнаго человѣка? Спросимъ только свое естественное нравственное чувство: что больше достойно человѣка,—сознаться въ своей ошибкѣ, если онъ сдѣлалъ ее, или отрицать ее? Если онъ сознается въ ней, то мы вновь признаемъ его нравственно-очищеннымъ, вновь принимаемъ его въ нравственное общество, вновь нравственно соединяемся съ нимъ; потому что ставимъ его наравнѣ съ собою. Но когда онъ ее отрицаетъ, мы внутренно отворачиваемся отъ него, мы не уважаемъ его, а презираемъ: гордость не возвышаетъ, но унижаетъ его, потому что она ложь, и тогда остается то разединеніе, которое произошло между имъ и нами. А тѣмъ болѣе это бываетъ по отношенію къ Богу. Исканіе благодати Божіей насъ не унижаетъ, а возвышаетъ, и настолько же достойно мужины, какъ и женщины. Величайшіе люди были и самые сми-

ренныя люди. До-христіанскій міръ не зналъ этого смиренія, ему незнакомо было даже это слово. Христіанство сдѣлало смиреніе первой добродѣтелию, прекраснѣйшимъ украшеніемъ въ вѣнкѣ христіанскихъ добродѣтелей и душой христіанской жизни. Былъ ли человѣкъ мужественнѣе Павла? Я ни одного не знаю, но крайній мѣръ ни одинъ не трудился болѣе его, и нашъ царь земной не знаетъ большаго благодѣтеля, какъ онъ. Если же мы хотимъ выразить его сердце и глубочайшее чувство души его, то должны назвать слово благодать. Онъ такой проповѣдникъ благодати, какого не было; сознаніе ся было душею его жизни: *«благодатию Божією есмь, еже есмь»*. Между всѣми людьми я не нахожу ни одного, котораго могъ бы поставить на ряду въ смиреніи со смиреннѣйшими, одаренными благодатию, пресвятою Дѣвою Марією и апостоломъ Павломъ. Первую ся смиреніе побудило выстрадать величайшее, а послѣдняго—совершить величайшее. Смиреніе, преклоняющееся предъ благодатию, есть насколько же сила мужчины, насколько и украшеніе женщины.

Я не думаю, чтобы человѣку могли поставить болѣе гордую надпись, какъ на статуѣ Коперника въ Торинѣ: *terrae motor, solis coelique stator*, т. е. онъ двигалъ землею, солнцемъ и небо оставилъ въ покоѣ. Но еще болѣе чести дѣлають ему слова христіанскаго смиренія, подъ изображеніемъ его въ церкви св. Іоанна, въ Торинѣ: *«Я жажду не той благодати, которой удостоился Павелъ, не того милосердія, съ которымъ Ты простилъ Петра; я умоляю только о той милости, которой Ты удостоилъ убійцу на престѣ»*.

Всѣ мы нуждаемся въ благодати, она необходимость для всѣхъ насъ.

Но можемъ ли мы рассчитывать на Божію благодать? Поговоримъ о достовѣрности ся.

Послѣднее, въ чему обращаются мысли и размышленія

наши, есть воля Божія. Въ вѣчной волѣ Господней лежатъ корни земной жизни, изъ нея вытекаетъ потокъ исторіи міра. Все видимое указываетъ намъ на міръ невидимый. Въ немъ мы должны найти отвѣтъ на вопросы земной жизни, потому что то, что происходитъ въ этомъ видимомъ мірѣ, получило начало свое тамъ. Вѣчныя мысли Всевышняго и опредѣленія воли Его составляютъ скрытый планъ видимой исторіи нашего человѣческаго міра.

Что же это за воля Божія?

Высочайшее, что мы можемъ сказать о Богѣ, это—назвать Его вѣчною любовью. Богъ есть могущество, а сотвореніе міра есть памятникъ Его могущества. Онъ равно достоинъ удивленія: заглянемъ ли мы въ это неизмѣримое пространство, въ которомъ глазъ нашъ долженъ наконецъ остановиться, или разсмотримъ чудеса Его на самомъ маленькомъ разстояніи, — мы сознаемся, что самый лучший инструментъ не въ состояніи разобрать безконечнаго богатства, которое тѣснится на самомъ узкомъ пространствѣ. Но выше могущества—любовь. Она господствуетъ, которой могущество только служить. Она первая и послѣдняя мысль Творца, дѣла которой могущество только исполняетъ. Она-то собственная сущность Бога, какъ мы это видимъ изъ всѣхъ откровеній Его. Она-то и есть тайна Творца, которую намъ открыло только христіанство. Богъ есть любовь, любовь дающая, нисходящая, сообщающаяся. Цѣль ея есть общеніе человѣка, общеніе душъ нашихъ съ Богомъ, вѣчною любовью.

Она есть идея творенія, она тайна Провидѣнія. Все, что существуетъ и случается, составляетъ великую систему средствъ и цѣлей. Величайшее — въ связи съ мельчайшимъ, и ближайшее съ отдаленнѣйшимъ; но надъ всѣмъ господствуетъ одна идея, которая опредѣляетъ ткань исторіи. Эту высочайшую идею Господнюю, которая сообщаетъ послѣднюю цѣль ходу исторіи, эту

конечную цѣль путей божескихъ мы называемъ царствіемъ Его, общеніемъ чловѣка съ Богомъ, — это идея Его любви.

Мы только тогда поймемъ исторію, когда будемъ понимать ее съ этой точки зрѣнія. Многое еще остается намъ неразрѣшеннымъ въ ней. Богъ нашъ — сокровенный Богъ. Почему Онъ ведетъ одного такъ, а другаго иначе: одного одарить богатствомъ и счастьемъ, другаго трудомъ и заботой; путь одного дѣлать легкимъ и гладкимъ, другаго тяжелымъ и жесткимъ; здѣсь свѣтитъ солнце, а тамъ жизнь омрачена печалью; одного подвергаетъ искушенію и опасностямъ, въ которыхъ онъ, кажется, долженъ погибнуть, другой пользуется всѣми лучшими дарами жизни? Затѣмъ, почему Господь одинъ народъ богато одарилъ, другой осудилъ на заботливое существованіе; одному даетъ могущество, славу и господство, другому участь рабства; на челѣ одного впечатлѣваетъ царственную печать ума, другаго едва только отличаетъ отъ животнаго; тутъ заставляеть христіанство расточать всю полноту благословенія его, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ ночь заблужденія сковываетъ умы? Все это загадки, которыхъ мы никакъ не разрѣшимъ до тѣхъ поръ, пока исторія не достигнетъ цѣли своей. Тогда всѣ дѣла Господни оправдаются и всѣ пути Его освѣтятся. Теперь мы должны почитать Господа во мракѣ, преклоняться предъ величіемъ справедливости Его и вѣрять въ Него, потому что Богъ даже тамъ справедливъ, гдѣ Онъ кажется несправедливымъ; такъ какъ отъ каждаго Онъ требуетъ только по мѣрѣ того, что дано ему. Но какъ бы намъ все ни было темно, одно справедливо: надъ всею путаницею земли царствуетъ вѣчное милосердіе. Опредѣленіе исторіи есть опредѣленіе вѣчной любви, и цѣль исторіи есть вѣчное царство покой. Къ этой цѣли Богъ ведетъ всѣ народы. Мы неизмѣнно радуемся, когда въ исторіи народовъ хотя по догадкѣ замѣчаемъ это руководство Божіе. Богъ приближается къ цѣли

только медленными шагами, потому что Онъ есть Богъ терпѣнія, непостижимаго терпѣнія; и Онъ ни шагу не дѣлаетъ впередъ, пока не прійдетъ для этого время; въ Его міровомъ ходѣ нѣтъ ничего насильственнаго; все новое, что Богъ творить, выступаетъ тогда только, когда созрѣетъ старое. Но какъ медленно Господь ни подвигается впередъ, Онъ все же идетъ къ цѣли.

Съ великимъ ходомъ исторіи связана жизнь каждаго отдельнаго лица и самаго ничтожнѣйшаго изъ Его дѣтей. Цѣль эта существуетъ для обоихъ; пути всѣхъ насъ должны впадать туда, куда впадаетъ исторія человѣчества: въ Его вѣчное царство. Жизнь всѣхъ насъ подлежитъ тому же закону, какъ и исторія всего человѣчества—закону любви Его, вѣчнаго опредѣленія любви Его. Такъ, это достоверно: основаніемъ всему, что есть и существуетъ, служить опредѣленіе любви.

Но опредѣленіе любви въ отношеніи грѣшнаго міра сдѣлалось опредѣленіемъ благодати, потому что на пути къ цѣли стоитъ грѣхъ человѣка: только преодоленіемъ грѣха путь человека приведетъ его къ цѣли. Святость божественная должна судить грѣхъ, но благодать его прощаетъ. Господь прощаетъ человека, судя его. У креста судился нашъ грѣхъ, у креста онъ былъ прощенъ. Въ этомъ-то и состоитъ торжество любви, что изъ развалинъ, въ которыя грѣхъ привелъ міръ Божій, она построила царство благодати.

Божественная любовь могла разрушить міръ грѣховъ и воздвигнуть на немъ свое царство. Опредѣленіе любви Божіей сдѣлалось опредѣленіемъ благодати.

То, что благороднѣйшіе умы древности предчувствовали, какъ это, предчувствуя, высказалъ Софокль, что рядомъ съ Божествомъ на тронѣ сидитъ благодать, то сдѣлалось для насъ достоверностью, потому что крестъ есть благодать. Вся исторія

божественнаго откровенія есть исторія благодати. Никакое противодѣйствіе человѣка не могло задержать ея движенія и истощить ея терпѣнія. Всякій шагъ впередъ есть побѣда благодати надъ грѣхомъ человѣка. Крестъ есть совершенное торжество. Съ тѣхъ поръ крестъ сдѣлался знакомъ побѣды и утѣшеніемъ въ страданіи. И проповѣдь евангелія со временъ апостоловъ есть проповѣдь о крестѣ, потому что она есть проповѣдь о благодати. Это слово о благодати побѣдило міръ и обновило сердца человѣческія.

Благодать есть необходимость для насъ, потому что мы грѣшны; благодать есть достовѣрность для насъ, потому что Богъ есть милосердая любовь, а крестъ божественное свидѣтельство ея.

Благодать Божія всеобща.

Только тѣ не знаютъ сердца Божія, которые, въ мнимомъ почтеніи къ безусловному праву величія Божія, опредѣленіе благодати Его ограничиваютъ избраніемъ однихъ и исключеніемъ другихъ, ссылаясь на отдѣльныя слова Писанія, какъ напр.: «много званыхъ, а мало избранныхъ». Слово это говоритъ не о вѣчномъ опредѣленіи Божию, но объ историческомъ послѣдствіи предложенія Его благодати. Если уже наше сердце не выноситъ мысли, что Богъ съ самаго начала исключилъ большинство людей изъ милосердой воли своей, то тѣмъ болѣе этого не снесло бы сердце Божіе, потому что оно больше нашего. У Бога нѣтъ отдѣльныхъ любимцевъ, какъ напримѣръ у боговъ Гомера. Сердце Его всѣмъ принадлежитъ, и Христосъ умеръ за весь міръ. Богъ желаетъ помочь всѣмъ людямъ и не хочетъ, чтобы погибъ хоть одинъ человѣкъ. Голосъ милосердія Его для всѣхъ раздастся: «приндите ко Миѣ вси труждающіися и обремененніи». Благодать Божія такъ широко распространяется, какъ само небо, и кто будетъ исключенъ изъ нея во время страшнаго суда, тотъ самъ исключилъ себя. Какъ и когда

божественное милосердіе скорбѣло надъ Іерусалимомъ: *колы-
краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ коконъ
птеныи своя подъ крыль, и не восхотѣсте*,—такъ и тогда
будетъ звучать послѣднее слово любви къ погибшимъ: «а вы не
захотѣли», потому что во всякомъ случаѣ Богъ не хочетъ и не
можетъ никого принудить. Онъ долженъ признать свободу лю-
дей. Поселику Онъ смотритъ на насъ не какъ на естественныя
произведенія, а какъ на свободныя личныя существа; то Онъ
долженъ предоставить намъ свободу отвергать Его благодать
и противиться любви Его. Душа наша, казалось бы, не должна
этого перенести, но она переноситъ. Если мы и огрубѣемъ
для любви Божіей и не будемъ любить самихъ себя,—все же
благодать Божія останется всеобъемлющей и безграничной.

Но, конечно, если мы захотимъ указать на всеобщую
благодать въ исторической дѣйствительности народовъ и от-
дѣльных лицъ, то мы вездѣ наткнемся на противорѣчія, въ
которыхъ повидимому находится дѣйствительное руководство
жизни человѣческой съ сердечными требованіями и досто-
вѣрностью вѣры нашей. Здѣсь мы должны признать границы
нашего познанія, и съ покорностію повергнуться предъ не-
исповѣдимыми путями Провидѣнія. Не намъ судить, почему
одного Господь ставитъ подъ покровительство самого заботли-
ваго нравственнаго ухода и подвергаетъ вліянію религі-
ознаго духа, другаго ставитъ среди искушеній и опасностей
и заставляетъ возрости въ такой нравственной атмосферѣ,
которая съ самаго начала ввергаетъ его въ погибель. Одному,
кажется, не возможно погибнуть, другому—спастись. Наши
личныя жизненныя отношенія совершенно различны, точно такъ
какъ и національныя. Далеко не все-равно, родится ли человѣкъ
въ томъ народѣ, который волиѣ наслаждается благословеніемъ
христіанства, или по рожденію своему онъ принадлежитъ странѣ,
до которой еще не достигъ лучъ евангелія. А каковы опасно-

ствамъ и искушеніямъ подвергаются одни по природѣ своей, отъ которыхъ другіе, счастливіе созданные, свободны! Ко всему этому мы ничего другаго не можемъ сказать, кромѣ того, что Богъ есть сокровенный Богъ, и воля Его, въ такомъ видѣ, какъ она свершается у отдѣльныхъ лицъ и народовъ, не представляется намъ волей всеобщей благодати, а только могущества. Но не забудемъ того, что это касается только одной стороны человѣка. Правда, намъ часто можетъ казаться, будто человѣкъ—самое несвободное созданіе, находящееся въ полной зависимости отъ своего внѣшняго жизненнаго положенія, которое не онъ создалъ, и отъ чрезвычайныхъ порывовъ своей природы, которыхъ онъ не можетъ уничтожить. И дѣйствительно, мы—орудія въ рукахъ Всевышняго, и Онъ употребляетъ насъ по своему усмотрѣнію. Но эта сторона жизни и существа нашего, по которой мы въ отношеніи къ Богу все равно, что глина въ рукѣ горшечника, не есть весь человѣкъ, и въ этомъ не все его положеніе по отношенію къ Богу. Мы—болѣе того, и отношеніе наше къ Нему не кончается тѣмъ только, что мы—лишенные воли орудія Его могущества. За всѣмъ этимъ міромъ высшей жизни скрывается внутренній міръ нашихъ нравственныхъ рѣшеній. Здѣсь мы свободны. Какое нравственное содержаніе мы вложимъ въ нашу волю и поступки: опредѣлимъ-ли мы себя за или противъ Бога, дадимъ-ли мы Ему свершить дѣло надъ душой нашей или пѣтъ,—это въ полномъ смыслѣ дѣло нашего собственнаго рѣшенія. Внутри души нашей мы свободны. Какъ бы мы ни были связаны наружно—никакая сила не свяжетъ крыльевъ души нашей; поднимутся-ли они къ Богу или погрузятся въ глубину,—въ томъ и другомъ случаѣ наша собственная воля рѣшается. Какъ мы произнесемъ свое рѣшеніе,—это лежитъ на нашей отвѣтственности. Какъ бы ни дѣйствовали на наше нравственное существо внѣшнія обстоятельства и окружающія насъ искушенія, которыми мы

подвергаемся по желанію нашей собственной природы, всё эти испытываемы нами вліянія имѣютъ границу, которой они не переходятъ: эта граница поставляется имъ свободой нашей воли, такъ какъ она принадлежитъ свойству природы человеческой, нашей личности.

Но къ пей Господь имѣетъ внутреннее отношеніе. Есть таинственная связь Бога съ каждою душою человеческой. Каждый испытываетъ въ душѣ своей тайное вліяніе Его. Даже и тамъ, куда не достигло слово спасенія, Богъ говоритъ скрытымъ таинственнымъ языкомъ съ душею человѣка. Каждый слышитъ эту рѣчь Господню въ совѣсти своей. Каждому Богъ внутренно близокъ; каждому свидѣтельствуется Духъ Божій. Каждый понимаетъ, когда этотъ Духъ Божій скрыто предостерегаетъ его отъ грѣха, котораго онъ желаетъ, или наказываетъ за грѣхъ, который онъ совершаетъ, и каждый чувствуетъ въ себѣ стремленіе, влекущее его чрезъ пространства, времена, блага и тѣнность міра сего къ міру вѣчному. Хотя душевнаго спокойствія на пути этомъ никто не обрѣтаетъ, и истинной нравственной освященной воли никто не достигаетъ этимъ свидѣтельствомъ Божиимъ въ совѣсти нашей, но скорѣе чрезъ это возбуждается въ насъ тревожное исканіе Бога, грустное чувство нравственного безсилія и слабости и потребность освободиться отъ этого рабства. Граница здѣсь состоитъ въ томъ, дадимъ-ли мы полную свободу этому духу безпокойства и потребности, или, подавивъ его въ себѣ, погибнемъ въ суетности міра сего. Вѣдь это также дѣйствіе благодати Божіей, которая дѣйствуетъ во всѣхъ людяхъ. Это дѣйствіе Духа Божія есть залогъ высшей будущности.

И сколько другихъ нравственныхъ силъ обрушаетъ человѣка! Весь этотъ нравственный порядокъ, въ которомъ мы находимся, народъ и семья, званіе и дружба и прочее, — все это голоса, которые пробуждаютъ и укрѣпляютъ наше нравствен-

ное чувство. Ко всему этому присовокупляются разбросанныя зерна сѣмянъ первобытной истины, которою обладало человечество, подобно послѣднимъ лучамъ заходящаго свѣта, слабо освѣщающаго мракъ; потому что какой же народъ не спасъ чего-нибудь отъ древняго наслѣдія своихъ праотцевъ? Хотя это наслѣдіе и испорчено, искажено и ослаблено въ дѣйствіи своемъ,—но и сквозь искаженный образъ просвѣчиваютъ черты первобытной истины и красоты, и какъ бы ни было помрачено это воспоминаніе истины, оно нигдѣ не бываетъ совершенно безъ дѣйствія.

Въ этотъ міръ нравственныхъ силъ, мыслей и дѣйствій входитъ слово евангелія и пробуждаетъ всѣ дремлющія желанія сердца, которыя въ глубинахъ души часто безсознательно вопіютъ о спасеніи. Какъ въ евангеліи вопросъ Господа Иисуса къ слѣпцу—хочетъ-ли онъ прозрѣть—виновъ оживить въ немъ всю грусть о слѣпотѣ его и всю силу задушевнаго желанія его, которое замерло вслѣдствіе привычки, привелъ его къ сознанію,—то же самое и здѣсь. Эта потребность спасенія еще не можетъ помочь человѣку; это не есть сила самаго спасенія, но предположеніе его. Выполнять это предположеніе есть цѣль путей Божіихъ въ исторіи человечества и въ руководствѣ жизни отдѣльных лицъ. Сначала мы должны сдѣлаться нищими духомъ, чтобы быть воспріимчивыми къ богатству благодати.

Этимъ путемъ Богъ велъ къ Иисусу Христу древніе народы. Богъ не только спасеніе приготовилъ для человѣка, но и человѣка приготовилъ для спасенія. Первое Онъ сдѣлать въ Израилѣ, послѣднее—въ язычествѣ. Никогда не было народовъ болѣе богатыхъ благороднѣйшими дарами ума, какъ тѣ народы, которыхъ мы называемъ классическими. Здѣсь Богъ хотѣлъ открыть намъ всю полноту возможностей, которыя заключаются въ человѣческой природѣ, и вмѣстѣ границы ея, потому что какъ ни была богато украшена жизнь ихъ пре-

красѣйшими цвѣтами естественной духовной жизни, собственно спасенія они не нашли, и истинный Богъ—Богъ спасенія остался имъ неизвѣстенъ. Исторія народовъ есть божественное воспитаніе, и цѣль его—воспріимчивость къ благодати Божіей; но условіе къ воспріимчивости есть бѣдность духа. *«Блажени нищій духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное»*. Мы считаемъ Сократа величайшимъ въ греческомъ мірѣ; дельфійскій оракулъ провозгласилъ его мудрѣйшимъ. Въ чемъ состояли его величіе и его мудрость? Въ сознаніи и признаніи немощи своей. Конецъ путей божескихъ вообще состоялъ въ признаніи человѣкомъ немощи своей и жадѣ непосредственнаго откровенія благодати Божіей. Мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ изъ послѣднихъ временъ древняго міра; всѣ они выражаютъ это сознаніе нищеты и показываютъ намъ, что люди не знали другой помощи, кромѣ благодати Божіей. И даже самыя странныя фантазіи мнимыхъ откровеній, въ которыхъ заблуждались и благороднѣйшіе умы послѣднихъ дней язычества, подають свидѣтельство о чувствуемой душою жадѣ откровенія благодати и истины, которая можетъ происходить только отъ Бога. Но *«блажени нищій духомъ»*.

Намъ предстоитъ та же цѣль путей божескихъ. Мы должны обѣднѣть въ себѣ самихъ, чтобы Господь могъ преполнить насъ богатствомъ своей благодати. Когда говорится, что богатому трудно войти въ царство небесное, то это не менѣе относится и къ богатымъ умомъ и добродѣтелями.

Мы такъ гордимся умомъ и образованіемъ нашимъ; но это ни къ чему не ведетъ, когда дѣло касается главнаго предмета. Этимъ мы можемъ украсить нашу временную жизнь, но не заслужимъ вѣчной, потому что все внѣшнее образованіе проходитъ вмѣстѣ съ этимъ временнымъ существованіемъ, которому принадлежитъ. Когда же намъ приходится умирать и нѣтъ у насъ другой опоры, кромѣ гордости своимъ умомъ и

образованіемъ, то едва-ли можетъ быть зрѣлище печальнѣе этого. А гордость наша добродѣтелью ничѣмъ не лучше. Конечно, намъ тяжело, невыразимо тяжело видѣть, что мы не можемъ собственными трудами пріобрѣсть спасеніе души своей, а должны быть обязаны благодати. Но мы должны знать, что уже и въ этой жизни лучшее, чѣмъ мы обладаемъ, не есть нашъ трудъ и заслуга, а свободный даръ. Гордость наша сильна заставить человѣка негощиться въ самомъ тяжкомъ трудѣ съ противорѣчащей природой нашей, но вѣчнымъ спасеніемъ мы всегда будемъ обязаны не этому труду, а благодати Божіей. Благодать требуетъ большаго труда, но труда, который ведетъ къ смиренію, а не къ высокомерію. Высокомерію закрыть входъ въ царство небесное. Цѣль путей божескихъ привести всѣхъ насъ къ смиренію. Этотъ тяжелый путь Богъ избралъ для насъ,—путь длинный, тернистый. Но мысль Его о каждомъ изъ насъ, мысль, которую Онъ старается довести до исполненія всѣми средствами на всѣхъ путяхъ, которыми Онъ насъ ведетъ, —это мысль—сдѣлать насъ смиренными, чтобы мы были воспріимчивы къ Его благодати, которая одна есть наше спасеніе, и одна приводитъ насъ къ цѣли назначенія нашего. Эта благодать и истинна явилась намъ въ Иисусѣ Христѣ.

